

Седельников Валерий Георгиевич

ДЕНЕЖНО-ФИНАНСОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСТРОЙКИ И ЛИКВИДАЦИИ СИСТЕМЫ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Одно из самых значительных событий современной истории - ликвидация СССР - основы мировой системы реального социализма. Задача настоящей статьи - определение причин этого явления посредством анализа денежно-финансовых отношений - наиболее объективной (с точки зрения автора) составляющей общественной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 186-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Одно из самых значительных событий современной истории – ликвидация СССР – основы мировой системы реального социализма. Задача настоящей статьи – определение причин этого явления посредством анализа денежно-финансовых отношений – наиболее объективной (с точки зрения автора) составляющей общественной жизни.

Ключевые слова и фразы: денежно-финансовая система; независимые товаропроизводители; рынок; дефицит; перестройка; реформа; народная революция; денежный навес; экономические методы хозяйствования.

Валерий Георгиевич Седельников, к.и.н., доцент

Кафедра экономики и финансового права

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Красноярске

sedel-valery@yandex.ru

ДЕНЕЖНО-ФИНАНСОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИКИ ПЕРЕСТРОЙКИ И ЛИКВИДАЦИИ СИСТЕМЫ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР[©]

Кризис и крах советского строя в СССР, ликвидация «мировой системы социализма» – в истоке этих глобальных явлений находится «перестройка» – политика реформ, начатая советским руководством во второй половине 1980-х гг. Последствия перестройки настолько масштабны, что с трудом сопоставляются с сумбурными мероприятиями «породивших» ее не слишком успешных политических деятелей. Отсюда – стремление найти непротиворечивое объяснение причин судьбоносного поворота в истории нашей страны в последние десятилетия XX века. Цель настоящей статьи – попытаться проанализировать истоки «великих перемен» посредством исследования денежно-финансовой системы страны – наиболее объективной составляющей всей общественной жизни.

Советская денежно-финансовая система в своем классическом виде сложилась к середине 1930-х гг. Полностью огосударствленная экономика исключала наличие независимых товаропроизводителей, а следовательно, и торговли, фактически замененной государственным распределением. Тем не менее, деньги в этой системе существовали, хотя и в специфическом, с точки зрения рыночной экономики, виде. Они являлись не всеобщим товаром (универсальным товаром-посредником), а лишь играли роль соизмерителя продукции, лимитов, активов, фондов, относящихся к различным субъектам хозяйствования. Деньги служили также средством расчета плановых показателей и государственного бюджета страны. Помимо исполнения этих «виртуальных» функций, советские рубли «ходили» и в виде реальных денежных знаков, которые использовались во внутреннем потребительском товарообороте для выплаты заработной платы и личных накоплений граждан. Следует учесть также наличие в СССР такого «товарного атавизма» как личное подсобное хозяйство колхозника. Хотя продукция его предназначалась для *личного* потребления, возможные излишки разрешалось реализовывать на «колхозных рынках», к которым примыкали полулегальные «толкучки», «барахолки» и тому подобные «неформальные» торговые точки.

Таким образом, деньги в СССР существовали, выполняя отведенные им функции. Однако среди них не было такой как стимулирование производителей промышленной, сельскохозяйственной или иной продукции (если не считать пресловутого личного подсобного хозяйства). Очевидно не будет большим преувеличением сказать, что советская экономика 1930-х - 1940-х гг., куда входили и промышленные гиганты, и колхозная деревня, и ГУЛАГ, и специальные поселения – это единый, достаточно надежно работающий административно-хозяйственный механизм. И основной «смазкой» для этого «механизма» являлись не деньги (в виде прибыли, дивидендов), а жестко-репрессивное администрирование: кадровые чистки, раскулачивание, карательные акции, судебное преследование. Говоря словами известного советского экономиста Н. П. Шмелева, в советской экономике господствовал «приказ вместо рубля» [14, с. 142]. Этому не противоречило, что по итогам «социалистического соревнования» советские предприятия награждались переходящими красными знаменами и почетными званиями, а их работники – орденами, путевками, премиями и повышенными окладами.

К началу 1950-х гг., с завершением послевоенного восстановления народного хозяйства, ресурс административно-репрессивной системы управления народным хозяйством был исчерпан. Определенным рубежом стала смерть И. В. Сталина, который был творцом и олицетворением этой системы. С 1953 г. советским руководством были сделаны некоторые шаги в сторону экономического стимулирования сельского хозяйства, находившегося в особенно тяжелой ситуации: повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, изменен порядок заготовок с учетом заинтересованности колхозов и совхозов. Отдача была вполне наглядной – топтавшееся на месте и деградировавшее сельское хозяйство стало наращивать темпы своего роста на 7,6% в год [5, с. 409]. Однако экономическое стимулирование не стало определяющим принципом управления народным хозяйством СССР в 1950-е гг. Возобладал привычный административный подход: усиление плановой дисциплины, внедрение совнархозов, соревнование с Америкой, строительство коммунизма, освоение

целины, распространение кукурузы... Однако без реальной репрессивной составляющей эти административные «наскоки» были не слишком эффективны. Понимание этого должно было подтолкнуть советское руководство в сторону экономических методов хозяйствования. Отсюда следующая, более осознанная, попытка материально заинтересовать предприятия в увеличении количества и качества выпускаемой продукции, которая была предпринята во второй половине 1960-х гг. К этому времени бесплодность чисто административных подходов стала осознаваться не только в СССР, но и других странах реального социализма: Чехословакии, ГДР, Польше, Венгрии. В нашей стране реформа, связанная с внедрением экономических стимулов, заключалась в том, чтобы перевести предприятия – заводы, фабрики, колхозы, совхозы – на самофинансирование, на хозрасчет – дать им возможность зарабатывать деньги, получать прибыль. С этой целью сельхозпредприятиям устанавливался твердый план закупок зерна на 6 лет – до 1970 г. включительно (его общий годовой объем был уменьшен на 15% и составлял 55,7 млн т). При этом всю сверхплановую продукцию колхозы и совхозы могли продавать с 50% надбавкой к основной закупочной цене [3, с. 606].

Для промышленных предприятий в качестве главного показателя определялся объем не произведенной, а реализованной продукции. Доходы, получаемые вследствие «игры по новым правилам», предприятие могло тратить не только на нужды всего государства, но и на свои собственные – обновление и расширение производственной базы, формирование социально-культурного и жилищного фонда, материальное поощрение работников. Изменение содержания деятельности предприятий подкреплялось созданием соответствующих организационных структур – трестов, концернов, объединений. Что касается результатов реформы, то они весьма позитивны. Не разделяя крайних оценок ряда экономистов, в которых 8-я пятилетка именуется, например, «золотой», можно согласиться с мнением Л. И. Абалкина, что «по всем важнейшим социально-экономическим параметрам период 1966-1970 годов был лучшим за последние 30 лет» [1, с. 10].

Более глубоко и последовательно экономические преобразования осуществлялись в вышеупомянутых европейских «социалистических» странах. Здесь предприятиям были предоставлены реальные права в распределении полученных доходов, практически отменена система директивных показателей, введена гибкая система цен. Существенные «послабления» были сделаны в отношении мелкой частной собственности, которая, по сути, сформировалась в реальный экономический уклад (по сравнению, например, с подсобным личным хозяйством советского колхозника). Экономический эффект оказался столь существенным, что с трудом поддавался объяснению. Наиболее распространенной была версия, согласно которой Советский Союз стремился представить европейские социалистические страны в виде «витрины социализма» и не жалел средств, чтобы «пустить пыль в глаза» общественному мнению Запада. Думается, что эта версия поверхностна и не слишком убедительна. Более обоснованной представляется мысль о плодотворности сочетания планового хозяйства с элементами рыночной экономики. Она объясняет и успехи советского НЭПа 1920-х гг., и экономический «прорыв» стран реального социализма 1960-х гг., и достижения современного Китая вместе с его «младшим братом» Социалистической республикой Вьетнам (фактически, речь идет о реализации элементов конвергенции – взаимного проникновения плановой и рыночной систем хозяйствования, теоретическая разработка которой связана с такими известными именами как Дж. Гэлбрейт и А. Д. Сахаров). Есть основания думать, что именно этот путь еще на полстолетия ранее мог послужить выходом из административно-командного тупика, вдохнуть в экономическую систему реального социализма новое, современное содержание. Однако возможность не реализовалась в действительность. Экономическая реформа в СССР к началу 1970-х гг. была свернута и страна вернулась на рельсы «сталинской» – тотально-государственной, централизованной – экономики. Суждений по поводу причин этого высказано немало и наиболее убедительной, на наш взгляд, является мысль, сформулированная на заре перестройки профессором-экономистом Н. П. Шмелевым. Ученый указал, что главной помехой на пути последовательного реформирования экономической системы реального социализма являлась «идеологическая перестройка, опасения, что мы выпустим из бутылки злой дух капитализма» [14, с. 145]. Еще одним аргументом (не столь академичным, но более наглядным) может служить интервью бывшего генерального секретаря компартии Чили, опубликованное газетой «Аргументы и факты» в 2005 г. 89-летний Луис Корвалан не изменил своих взглядов и подтвердил приверженность социализму и советскому строю. «И в то же время, – отмечал бывший чилийский генсек, – я не понимал, отчего (в СССР - В. С.) нет частных парикмахерских? Почему они все в государственной собственности? – А вы этого Брежневу не говорили? (вопрос корреспондента газеты - В. С.) – Говорил, но мне объяснили – мол, у нас так принято с парикмахерскими, отдадим в частные руки – наплодим капиталистов» [2, с. 11].

Так или иначе, если страна вернулась к старой «сталинской» модели экономики, то, очевидно, нужны были «сталинские» же рычаги управления ею? А если их нет, какая возможна альтернатива? Лишь в единственном варианте – «псевдостимулирование» предприятий, их работников в рамках централизованного государственного хозяйства, то есть «перманентное» увеличение заработной платы (и других выплат) всем категориям, слоям советского общества. С экономической точки зрения, этот путь тупиковый: в условиях отсутствия экономической самостоятельности приходилось стимулировать все предприятия – без различия их эффективности. Тем не менее, именно таким образом развивалась советская экономика с конца 1960-х до конца 1980-х гг.

Так, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в 1970-1985 гг. возросла с 122 до 190 руб. (на 56%); ежемесячная оплата труда колхозников (которой до 1965 г. вообще не существовало) – с 75 до 153 руб. (на 104%). Кроме того, с 1966 г. колхозники были приравнены к рабочим и служащим в области

пенсионного обеспечения [12, с. 227]. Казалось бы, можно только приветствовать такую «заботу о трудящихся», о чем с гордостью заявляло советское руководство на очередном партийном съезде. Однако для гордости было не слишком много оснований. Накачивание экономики деньгами происходило «за счет печатного станка» и не имело корреляции с количеством товарной массы. В 1971-1985 гг. при номинальном увеличении количества товаров в 2 раза денежная масса возросла в 3,1 раза. Основных товарных единиц в 1985 г. производилось на 1 рубль валового общественного продукта в 2 раза меньше, чем в 1965 г., и в 5 раз меньше, чем в 1950 г. При увеличении национального дохода СССР в 1971-1985 гг. в 1,8 раза количество денег в народном хозяйстве утроилось, а официальные денежные сбережения населения возросли примерно в 5 раз [7, с. 145]. Неизбежное следствие этого – разбалансирование денежной системы. Уже к середине 1970-х гг. все достижения денежных реформ 1947 и 1961 гг. были сведены на нет; в стране набирал силу необратимый инфляционный процесс. В системе государственно-плановой экономики инфляция проявляется специфически (наизнанку) – в виде товарного голода или дефицита. То есть цены на товары остаются, как правило, неизменными, но самих товаров в свободной продаже нет. Дефицит, вместе со своими главными атрибутами – бесконечными очередями, талонами, карточками, «торговлей из-под прилавка», спекуляцией – явился «смертным приговором» экономической системе «развитого социализма», который рано или поздно советские люди должны были привести в исполнение. Такой результат был закономерен, поскольку в управлении экономикой были серьезно нарушены «правила игры» – сталинская экономическая модель предполагала не просто использование административно-репрессивных методов, но сочетание их с жесткой денежно-финансовой политикой. Примером могут служить частичная денежная реформа 1934-1936 гг., меры по стабилизации финансов в период Великой Отечественной войны, денежная реформа 1947 г. [11].

В середине 1980-х гг. к власти в стране пришло новое поколение советских руководителей во главе с М. С. Горбачевым. Определив предшествующий период развития советского общества как «застой», новое руководство в качестве общего приоритета выдвинуло политику перемен. Казалось бы, самое время взяться за реформирование экономической модели, заняться стабилизацией денежно-финансовой системы – ликвидацией пресловутого всеобщего дефицита. Однако горбачевское руководство пошло совсем в другом направлении. В противоположность «застою» была выдвинута политика ускорения развития народного хозяйства. Реализация этой задачи предусматривалась чисто административными методами: введение «госприемки», интеграция сельского хозяйства с промышленностью (создание Агропрома), использование трудовых резервов посредством усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом и искоренения нетрудовых доходов советских людей. Некоторые из этих мероприятий имели прямое отношение к проблеме функционирования хозяйственного механизма и денежно-финансовой системы. Прежде всего, это касалось антиалкогольной кампании, начатой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1985 г. «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом». Не ставя под сомнение важность этих мероприятий, отметим их значение с позиций денежно-финансовой системы. Уже к декабрю 1985 г. продажа алкогольных напитков сократилась на 25%; доходы бюджета от нее в 1986 г. снизились по сравнению с 1984 г. в 2 раза – с 72 до 36 млрд рублей (52 млрд долларов США по официальному курсу), которые государству пришлось покрывать за счет печатного станка, увеличивая дисбаланс между товарной и денежной массой [4, с. 72; 8, с. 34]. Еще больший удар денежно-финансовой системе был нанесен тем, что с рынка устранился товар, который заменить было нечем. Вслед за алкоголем из торговли стали исчезать сахар, конфеты, варенье, повидло, томатная паста и другие продукты, способные послужить сырьем для самогонарования. Далее советские люди, которые теперь не могли купить коньяк, шампанское, водку, конфеты и сахар, стали тратить свои деньги на покупку других товаров, и с прилавков начало исчезать даже то, что относительно стабильно появлялось в продаже: чай, мыло, крупы, консервы, не говоря уже о каких-то промышленных товарах. Пустые прилавки, бесконечные очереди, спекуляция, введение талонов на мыло, сахар, чай было реальным показателем инфляции, свидетельством полного развала денежно-финансовой системы. Не удовлетворив покупательный спрос, советские граждане понесли свои деньги в сберегательные кассы, стали прятать в «кубышки», что стало основой формирования «денежного навеса», готового в любой момент обрушиться и похоронить остатки потребительского рынка (с 1985 по 1990 гг. сумма лишь официальных сбережений в СССР возросла с 220,8 до 380,7 млрд руб.) [10, с. 276]. Как бы в дополнение к антиалкогольной кампании ровно через год началась борьба с нетрудовыми доходами, развернутая согласно постановлению ЦК КПСС от 15 мая 1986 г. В ходе этих мероприятий началось запрещение или ограничение мелких мастерских, частной медицинской помощи, сдачи в аренду жилья и даже продажи продуктов с личного подсобного хозяйства колхозников. Разрушались теплицы и животноводческие постройки; на садовых участках сносились «лишние» этажи; отбирались «излишки» продукции. К вырубленным виноградникам присоединились выкорчеванные розарии и оранжереи... Независимо от устремлений организаторов, все это способствовало сокращению товаров и услуг, усилению, опять-таки, дисбаланса в пользу денежной массы.

Вышеприведенные мероприятия вряд ли можно назвать случайными. Новое советское руководство вполне осознанно «проводило линию» на сохранение существующей экономической модели, не собираясь поступаться «принципами социализма». Выступая в феврале 1986 г. на XXVII съезде КПСС с докладом об основных направлениях экономического и социального развития СССР, глава правительства Н. И. Рыжков заявил, что для успешного развития советской экономики необходимо «укреплять и совершенствовать централизованное плановое руководство экономикой – великое завоевание и коренное преимущество социализма. И в этом вопросе, – подчеркнул докладчик, – очевидно, что мы «не оправдали» да и никогда и не

оправдаем надежды буржуазных идеологов на наш отход от этого основополагающего принципа» [15, с. 32]. То есть у советского руководства практика не расходилась с теорией, и на этом пути вряд ли возможны были какие-либо подвижки в плане улучшения материального положения населения, преодоления всеобщего дефицита, стабилизации денежной системы страны.

Справедливости ради заметим, что выполнению этих задач препятствовала не только «тупиковая» политика советского руководства, но и ряд объективных обстоятельств. К ним следует отнести Чернобыльскую катастрофу, которая помимо невосполнимых людских потерь обошлась государственному бюджету страны 1986 г. в 20 млрд рублей. Военное присутствие СССР в Афганистане стоило 5 млрд рублей ежегодно. Объективным фактором было и снижение мировых цен на энергоносители. В 1986 г. цена барреля нефти упала до 15 долларов (с 80 долларов в 1980 г.), и государственный бюджет СССР не досчитался около 8 млрд рублей [8, с. 272-274; 10, с. 97].

По мере возможности советское руководство пыталось противодействовать этим обстоятельствам. С этой целью были предприняты шаги по разоружению, что послужило основой снижения военных расходов. Уже в ноябре 1985 г. состоялась встреча М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом, а в декабре 1987 г. был подписан советско-американский договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. В мае 1987 г. Советский Союз начал существенное сокращение обычных вооруженных сил, а через год последовал вывод советских войск из Афганистана. Безусловно, это были шаги в сторону оздоровления финансовой ситуации, но они не могли заменить конкретных мер по диверсификации экономики, преодолению дефицита, стабилизации потребительского рынка, необходимость которых становилась все очевиднее. Началом движения в этом направлении послужило принятие закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» 2 ноября 1986 г. Закон создавал прецедент нарушения монополии государства на хозяйственную деятельность. Впервые после ликвидации НЭПа в СССР можно было открыть частную парикмахерскую, сапожную мастерскую, ателье, кафе или гостиницу. В январе-феврале 1987 г. было разрешено создание совместных с иностранцами предприятий, а также производственно-бытовых кооперативов. 30 июня 1987 г. был принят закон «О государственном предприятии (объединении)», 25 мая 1988 г. – закон «О кооперации». Безусловно, это были шаги в правильном направлении, которые свидетельствовали, что горбачевское руководство стало избавляться от административно-советского мышления и взяло курс на реальные экономические преобразования. Однако к каким-либо значимым результатам это не привело – финансово-экономический кризис в стране продолжал углубляться. Одна из основных причин этого в том, что команда М. С. Горбачева упустила главный момент – своевременно не провела денежно-финансовую реформу, без которой все правильные начинания неизбежно «уходили в песок». В качестве примера можно привести новую экономическую политику в СССР в начале 1920-х гг., успехи которой заложила удачно проведенная денежная реформа Г. Я. Сокольникова; то же самое можно сказать по поводу «немецкого экономического чуда» начала 1950-х гг., в основе которого лежала денежная реформа 1948 г. и опыта большинства других стран, проводивших реформирование экономики. Однако горбачевское руководство пошло совершенно другим путем. Отталкиваясь от неудач, которые сопутствовали экономическим преобразованиям с начала перестройки, оно пришло к выводу, «что одна экономическая реформа не пойдет, если не будет сопровождаться политической» [13, с. 294]. Переместив центр тяжести в политическую, культурно-идеологическую, международную сферу деятельности, советское руководство в лице своего лидера М. С. Горбачева получило гораздо большую отдачу – как соотечественники, так и международная общественность с энтузиазмом приветствовали шаги в сторону гласности, открытости, устранения ядерной опасности, демократизации. Однако с точки зрения реальных экономических преобразований это был абсолютный тупик – в условиях, когда старая государственно-политическая система демонтируется, а новая только формируется, их проведение невозможно даже теоретически. Особенно убедительно подтвердилось это в последние годы перестройки. На рубеже 1989-1990 гг. уже любому здравомыслящему человеку стало ясно, что никакая демократизация и гласность не могут заменить структурных экономических преобразований, ядром которых должна была стать денежно-финансовая стабилизация. Два альтернативных проекта решения этих проблем в сентябре 1990 г. были переданы в Верховный Совет СССР. Один был подготовлен экономистами С. С. Шаталиным и Г. Я. Явлинским, другой – Л. И. Абалкиным и Н. И. Рыжковым. Демократически избранный высший орган власти после долгих обсуждений по поводу проектов никакого решения не принял – экономическая реформа в очередной раз была «торпедирована», и страна встала на порог реального финансово-экономического банкротства. Дефицит государственного бюджета с 1985 по 1990 гг. увеличился с 14 до 92 млрд руб.; золотой запас, соответственно, сократился с 2400 до 240 т; денежная эмиссия возросла с 4 до 40 млрд рублей. Деньги, предназначенные для выплаты зарплаты, поставлялись на предприятия, как правило, прямо с фабрик Гознака; «денежный навес» достиг суммы 100 млрд рублей [6, с. 6; 8, с. 348; 9, с. 144]. В этих условиях руководство страны, продолжая отдавать приоритет проведению административно-политических преобразований (формирование президентской формы правления, изменение системы международных отношений, подписание нового союзного договора) вынуждено было вернуться к вопросу о необходимости реализации серьезных мер в области экономики и, прежде всего, проведения денежной реформы.

14 января 1991 г. на посту председателя совета министров СССР Н. И. Рыжкова сменил министр финансов СССР В. С. Павлов. 22 января 1991 г. вышел указ президента СССР «О прекращении приема к платежу денежных знаков госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 г. и ограничении выдачи наличных денег с вкладов граждан». «Павловская реформа» предполагала изъятие из обращения двух самых

крупных денежных купюр – 50- и 100-рублевых; при этом граждане должны были обменять их в сберкассах в рекордно короткий срок – 3 дня – и лишь в размере среднемесячного оклада; все безналичные деньги населения (вклады) подлежали «замораживанию», то есть могли обналичиваться с серьезными ограничениями. Расчет реформаторов был прост – большинство людей физически не успеет обменять свои купюры, и за счет этого сократится наличная денежная масса, что позволит уменьшить ее дисбаланс с количеством товаров. Этой же цели должно было способствовать параллельное повышение цен в государственной розничной торговле. Нет смысла более подробно анализировать это запоздалое мероприятие, которое было похоже на пародию денежной реформы 1947 г., проведенную министром финансов СССР А. Г. Зверевым в гораздо более сложных, послевоенных условиях. Население страны восприняло мероприятия нового премьера как прямое ограбление – государство, лишившее его товаров, теперь покушается еще на зарплату и сбережения. Денежно-финансовая «кавалерийская атака» В. С. Павлова явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. Началом прямых действий против власти стала мартовская забастовка шахтеров с требованиями повышения зарплаты, отставки М. С. Горбачева, роспуска Верховного Совета СССР, национализации имущества КПСС. Параллельно начался фактический и юридический распад единого государства. Вслед за Прибалтикой и Украиной о суверенитете заявили Молдавия, Грузия, Татарстан, Якутия, Абхазия. Были выдвинуты предложения об образовании «Сибирской республики», «Дальневосточной республики», «Енисейской республики». Кульминацией всех этих процессов явились события 19-21 августа 1991 г., фактически похоронившие СССР вместе с его социально-экономической и политической системой.

Выводы из вышесказанного могут быть следующими. История прокладывает себе дорогу, в основном, двумя способами – или реформы, адекватно решающие проблемы общественного развития, или народные революции. В свое время французская аристократия (в противоположность, например, английской или скандинавской) намертво вцепилась в свои привилегии и была сметена народной революцией в конце XVIII в. Аналогичная судьба постигла российскую правящую элиту в начале XX в., компрадорские режимы в ряде арабских стран в начале XXI в. Советская номенклатура, искавшая пути совершенствования «сталинской» модели социализма в 1950-е – 1960-е гг., в конечном счете качнулась в сторону консерватизма («стабильности»), вцепившись в окаменелые догмы, во многом служившие оправданием ее привилегий. Однако этот выбор еще не был окончательным. В середине 1980-х гг. новое поколение советской правящей элиты проявило готовность к реформированию и вполне могло предотвратить народную революцию. Стереотипы предыдущих десятилетий, а также фактор личности в истории не позволили реализоваться этому варианту (в свое время не родился «советский» Ф. Д. Рузвельт или Дэн Сяопин). Советское руководство во главе с М. С. Горбачевым в своей реформаторской деятельности «поставило телегу впереди лошади» – стало «преобразовывать» государственно-политическую систему, не обращая серьезного внимания на необходимость реформирования экономики и, прежде всего, денежно-финансовой системы. Результатом явилась народная революция, которая вполне закономерно ликвидировала Советский Союз и, практически, всю систему реального социализма.

Революционное крушение советского строя отбросило нашу страну далеко в противоположном направлении – в сторону неограниченного рыночного либерализма. Опыт последнего 20-летия показывает, что эта модель столь же тупиковая, как система тотально-государственного «социализма». Приведенный материал свидетельствует, что наиболее перспективной в наше время представляется экономическая модель, сочетающая государственно-плановое начало с наличием независимых товаропроизводителей, развитой денежно-финансовой системой и всеми необходимыми атрибутами рыночной экономики.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Опираясь на уроки прошлого // Коммунист. 1987. № 16. С. 8-17.
2. Аргументы и факты. 2005. 2 ноября.
3. Берхин И. Е. История СССР (1917-1971 гг.). М.: Высшая школа, 1972. 728 с.
4. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М.: Сов. энциклопедия, 1986. Вып. 30. 575 с.
5. История России: учеб. / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Тот, М. В. Ходяков. М.: Проспект, 2010. 480 с.
6. Киселев Л. Триумф и трагедия русского золота // Красноярский рабочий. 1995. 20 мая.
7. Малышев А. И., Таранков В. И., Смиранный И. Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 496 с.
8. Медведев Р. А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ; Полиграфиздат, 2010. 637 с.
9. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий (1985-2005). М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 554 с.
10. Русский рубль: два века истории: XIX-XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 336 с.
11. Седельников В. Г. Восстановление финансово-денежной системы СССР в послевоенный период // Вклад сибиряков в Великую победу: тез. докл. науч.-практ. конф. Красноярск, 1995. С. 168-172.
12. Уманский Л. А., Шаболдин С. С. Годы труда и побед (1917-1987): попул. справочник. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
13. Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М.: Вагриус, 2001. 592 с.
14. Шмелев Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142-158.
15. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза (25 февраля – 6 марта 1986 г.): стенографический отчет: в 3-х т. М.: Политиздат, 1986. Т. 2. 320 с.

MONETARY-FINANCIAL BACKGROUND OF RESTRUCTURING POLICY AND REAL SOCIALISM SYSTEM LIQUIDATION IN THE USSR

Valerii Georgievich Sedel'nikov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Economics and Financial Law
Russian State Social University (Branch) in Krasnoyarsk
sedel-valery@yandex.ru

One of the most significant events in modern history is the USSR liquidation – the basis of real socialism global system. The author states the task to determine the reasons of this phenomenon through the analysis of monetary-financial relations – the most objective (from the author's point of view) component of social life.

Key words and phrases: monetary-financial system; independent producers; market; deficiency; restructuring; reform; people's revolution; money overhang; economic methods of management.

УДК 94(470)(571.1)

В статье раскрывается хозяйственно-статистическая деятельность органов городского и земского самоуправления Западной Сибири, которая имела свои особенности и специфику, что проявлялось в позднем появлении земств, заимствовании опыта в проведении статистических обследований, а также нехватке кадров. Отдельное внимание уделено направлениям хозяйственно-статистического учета, которые охватывали все сферы жизни и деятельности общества. На основе фактического материала выявляется важность статистических данных как стратегического ресурса управления в системе органов городского и земского самоуправления.

Ключевые слова и фразы: городская и земская управы; статистический учет; Западная Сибирь; история; статистические службы.

Виталий Александрович Скопа, к.и.н.

Кафедра отечественной истории

Алтайская государственная педагогическая академия

sverhtitan@rambler.ru

ХОЗЯЙСТВЕННО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ И ЗЕМСКИХ УПРАВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917-1919 ГГ.®

Развитие статистического учета в системе органов местного самоуправления связано с усложнением социально-экономических процессов. Муниципальные власти не могли осуществлять эффективное управление без информации о массовых экономических, социальных, демографических, экологических явлениях. Получаемые данные от губернской администрации – статистического комитета – не удовлетворяли муниципальные органы.

Либеральные преобразования в Российской империи во второй половине XIX века оказали существенное влияние на все сферы деятельности общества и государственные институты. Не была исключением и система статистического учета. Учитывая возросшие потребности в текущем статистическом материале административно-государственных структур во второй половине XIX века, региональную систему статистических служб дополняли хозяйственно-статистические отделы городских и земских управ. Основной функцией городского самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. являлась хозяйственная деятельность: управление муниципальным земельным фондом, принятие мер против пожаров и других бедствий, строительство и эксплуатация городских предприятий, содействие развитию торговли и промышленности, внешнее благоустройство, обеспечение санитарного надзора городов и другое [4, с. 123]. Развитие местного самоуправления способствовало развитию системы статистического учета в новых формах. Учитывая то, что земства в Сибири возникли в июле 1917 года, практическая деятельность статистических отделов земских управ не получила должного развития как в Европейской России, но де-юре и де-факто они были определены. Более того, несмотря на непродолжительное существование в масштабах региона, они внесли свою лепту в теорию и практику статистического учета.

Система статистического учета в административных структурах города была определена Городовым положением 1870 года. В содержательной части было определено: «Попечение и распоряжения по городскому хозяйству, благоустройству и учету предоставляются городскому общественному управлению, а надзор за законным сего исполнением – Губернатору, на точном основании правил настоящего Положения» [3, с. 821-839]. Несмотря на административную замкнутость, система городского самоуправления самостоятельно формировала отраслевой статистический материал в соответствии с потребностями и запросами административно-хозяйственных структур.